

Союзный инфинитив в роли сентенциального актанта в древнерусском

© 2019

Анна Абрамовна Пичхадзе

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; rusyaz@yandex.ru

Аннотация: В статье описывается употребление инфинитива, присоединяемого подчинительным союзом, в роли сентенциального актанта в древнерусском языке. Обсуждаются семантические и синтаксические свойства предикатов, которые управляли этой специфически древнерусской конструкцией, а также способы присоединения союзной инфинитивной конструкции. Показано, что в древнерусском языке союзная инфинитивная конструкция более или менее регулярно употреблялась в роли сентенциального актанта при предикатах ментального намерения и комиссивах. Субъект матричного предиката, выраженного глаголом намерения или комиссивом, совпадал с субъектом инфинитива, присоединенного с помощью союза. Способность указанных классов предикатов управлять одинаковой конструкцией была обусловлена тем, что предикаты намерения и комиссивы семантически близки. С конца XIII в. в главной предикации, управляющей союзным инфинитивом, фиксируются соотносительные местоимения. Конструкция с опорным местоимением открыла возможность присоединять союзный инфинитив для предикатов, принадлежащих разным лексико-семантическим классам.

Ключевые слова: древнерусский язык, инфинитив, комиссивы, подчинение, синтаксис, сентенциальные актанты, союзы

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Для цитирования: Пичхадзе А. А. Союзный инфинитив в роли сентенциального актанта в древнерусском. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 72–84.

DOI: 10.31857/S0373658X0005707-6

Infinitive complement clauses in Old Russian

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; rusyaz@yandex.ru

Abstract: The paper describes how infinitive clauses attached by subordinating conjunctions functioned as sentential complements in Old Russian. Semantic and syntactic properties of predicates which governed this peculiar Old Russian construction as well as means of its connection to the matrix clause are discussed. It is shown that in Old Russian, infinitive clauses attached by subordinating conjunctions as sentential complements were more or less regularly governed by mental purpose predicates and commissives. The subject of the matrix predicate expressed by a verb of purpose or a commissive was referentially identical to the subject of the infinitive clause. Purpose predicates and commissives governed the same construction because they are semantically close: commissives serve to express purpose verbally through a speech act. In the late 13th century, the earliest examples are attested of demonstrative pronouns used as correlatives in matrix clauses that governed infinitive clauses attached by subordinating conjunctions. The use of correlatives allowed matrix predicates of different lexical-semantic classes to combine with infinitive clauses attached by subordinating conjunctions.

Keywords: commissives, conjunctions, infinitive, Old Russian, subordination, sentential arguments, syntax

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 16-18-02095), provided via Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pichkhadze A. A. Infinitive complement clauses in Old Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 72–84.

DOI: 10.31857/S0373658X0005707-6

Введение

Сфера употребления инфинитива, присоединяемого подчинительным союзом, в древнерусском отличалась от сферы его употребления в современном русском языке. В древнерусском союзным инфинитивом могли управлять глаголы, утратившие такую способность к настоящему времени, однако, с другой стороны, многие предикаты, управляющие союзным инфинитивом в современном русском (см. их обзор в [Князев 2009: 24–60]), в древности не обладали такой способностью. Кроме того, в современном русском языке союзы, вводящие инфинитивную предикацию, содержат частицу *бы* (*чтобы*, *как бы*), в то время как в древнерусском инфинитив мог присоединяться союзами без модальной частицы.

В церковнославянских памятниках союзный инфинитив употреблялся регулярно только при калькировании греческой конструкции со значением следствия, состоящей из союза *ὅστε* ‘так что’ и инфинитива [Живов 2017: 502–519]. Изредка встречается в славянских текстах также союзный инфинитив со значением цели, который может передавать греческий инфинитив с артиклем в родительном падеже: *тоѡ + инфинитив* (*нынѣ възвращѣся. ꙗко възратитисѧ княземъ прѣськомъ* ‘а сейчас возвращусь, чтобы воевать с персидскими князьями’, *тоѡ полемѣиѡси* Книга пророка Даниила X 20 [Срз., III: 1654–1655]); *видѣвъ же то Всеволодъ нача доопгѣвати ꙗко взати городъ* ‘Увидев же это, Всеволод начал готовиться [к тому], чтобы взять город’ Киевская летопись [ПСРЛ II: 320]. Эта модель функционирует и сейчас, с той только разницей, что, в отличие от средневековых текстов, в современном языке союз должен содержать частицу *бы*, выражающую оптативную модальность. В конструкциях со значением следствия и цели союзный инфинитив функционировал как синтаксический сирконстант (обстоятельство): предикат не имел обязательной валентности на дополнение, обозначающее следствие или цель. Субъект инфинитива в обстоятельственных предикациях мог совпадать с субъектом главного предиката (в таких случаях он не выражался на поверхностном уровне) или же отличаться от него (в этих случаях он выражался дательным падежом).

Более редким явлением в славянских средневековых текстах было употребление инфинитива, присоединенного подчинительным союзом, в роли синтаксического актанта (обязательного дополнения предиката). Выбор этой конструкции определялся семантическими и синтаксическими свойствами ее вершины. Настоящее исследование имеет целью установить, каковы эти свойства и как происходило присоединение союзной инфинитивной конструкции.

1. Союзная инфинитивная конструкция при предикатах намерения

Судя по данным памятников, в древнерусском существовал тип предикатов, который более или менее регулярно управлял синтаксическим актантом, выраженным союзным

инфинитивом. Это предикаты намерения¹. В конструкциях с предикатами намерения субъект инфинитива в зависимой предикации совпадал с субъектом главного предиката. В церковнославянских памятниках южнославянского происхождения удалось найти только один пример, причем он калькирует греческий оригинал, где инфинитив вводится союзом ὥστε ‘так что’, который обычно переводится славянским *яко*:

- (1) Мф. 27.1 *сѣвѣтъ сѣтвориша* вѣси архіереи и старци людѣции на іѣс. *ѣко оубити* и ‘первосвященники и старейшины народа сговорились против Иисуса [о том], чтобы убить его’ *συμβούλιον ἔλαβον* (вар. *ἐποίησαν*)... ὥστε θανατῶσαι (но в Ассеманиевом евангелии: *ѣко да оубиѣтъ* и) [ССЯ, IV: 947].

Инфинитивная конструкция с союзом воспроизводится и в аллюзиях на этот евангельский пассаж, ср. в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона:

- (2) не *сѣвѣта твори(м) яко распати*. нѣ *яко распатомѣ поклонитиса* ‘не сговариваемся [о том], чтобы распять, но [о том], чтобы поклониться распятому’ [Молдован 1984: 90].

Поскольку в греческих текстах такая конструкция при предикатах намерения встречалась лишь окказионально, в церковнославянской письменности, во многом воспроизводящей греческий синтаксис, она тоже употребляется чрезвычайно редко. Обычным дополнением при предикатах намерения в церковнославянских памятниках был простой бессоюзный инфинитив или придаточное предложение с частицей *да* и личной формой глагола: *сѣвѣшташа же архіереи да і лазарѣ оубиѣтъ* ‘сговорились же первосвященники, что и Лазаря убьют’ [ССЯ, IV: 246] и т. п., см. [СлРЯ XI–XVII вв., 26: 49] (этим и объясняется замена в Ассеманиевом евангелии в (1)).

Напротив, в летописях и других оригинальных древнерусских памятниках, а также в восточнославянских переводах с греческого можно нередко встретить союзный инфинитив при предикатах намерения. С большей или меньшей регулярностью он фиксируется при глаголах *мыслити* ‘задумывать сделать что-л.’, (*сѣ*)*думати* ‘то же; принимать (совместное) решение’, *умыслити* ‘задумать’, *печаловатися* ‘быть озабоченным, думать о чем-л.’, *печаль имѣти* ‘то же’, *лѣстити* ‘злоумышлять’, *ловити* ‘выжидать удобного времени для осуществления своего замысла’. Поскольку конструкция является специфически древнерусской, церковнославянский союз *яко*(*же*) употребляется в ней очень редко, например в Новгородской I летописи XIII–XIV вв.²:

- (3) *сдоумаша <я>ко изгонити кнѣза своего всѣволода* ‘решили изгнать князя своего Всеволода’ 17;

¹ Единичные примеры употребления союзного инфинитива при прохибитиве (при предикате, обозначающем воспрепятствование намерению) сомнительны. В контексте из Киевской летописи [ПСРЛ II: 684] смысл инфинитивной конструкции неясен: пассаж *кнѣже мѣ есмѣ приставленѣи в русскон землѣ ѿ ба. востагивати* *васѣ ѿ кровопролитѣа. ажь са пролыати* *крови кр(с)тъаньскон в русскон землѣ* может быть понят как ‘князь, мы поставлены в Русской земле Богом удерживать вас от кровопролития, чтобы [не] проливалась христианская кровь в Русской земле’ или ‘поставлены... [на тот случай.] если суждено проливаться христианской крови’, видимо, допустимы и другие интерпретации. Фраза из Суздальской летописи митрополитѣ же много *взбранаше* *и(м) · и Лазарѣ тѣсакъски · и Рагуило Володимирѣ тѣсакъски. яко не оубити* *Игора* ‘митрополит же энергично удерживал их, и тысяцкий Лазарь, и Рагуил, тысяцкий Владимира, [от того], чтобы убить Игоря’ [ПСРЛ I: 317] представляет собой переделку — претендующую на книжность и, возможно, не вполне удачную — текста, сохранившегося в Киевской летописи, где зависимый предикат имеет форму сослагательного наклонения: митрополитѣ же *взбранаше* *имъ и Лазарѣ тѣсакон и Рагуило. Володимирѣ тѣсакон. како быша не оубили* *Игора* [ПСРЛ II: 349].

² Цитируется с указанием на листы по выполненному А. А. Гиппиусом компьютерному набору, по которому памятник размечен в [НКРЯ].

- (4) в Киевской летописи XII в. по Ипатьевскому своду XV в.: Изяславъ же посла. къ Сѣтославу Ульговицю. и поча с нимъ(м) думати. іакоже бы Изяславу оу Киевѣ сѣдѣти. а Сѣтославу оу Черниговѣ 'Изяслав же послал к Святославу Ольговичу и начал с ним совещаться [о том], чтобы Изяславу сидеть в Киеве, а Святославу — в Чернигове' [ПСРЛ II: 476].

Обычно в восточнославянских текстах в этой конструкции выступают русские союзы, соответствующие церковнославянскому *іако(же)*, например *акоже* в Киевской летописи:

- (5) сдоумѧ с Болеславомъ и съ Индрихомъ. и съ оугръ акоже имъ послати мѹжи свои. к Вячеславу и къ Гюргевѣ. а оугре ѿ короля свои мѹжи 'принял совместное решение с Болеславом и с Индрихом и с уграми, чтобы им послать своих людей к Вячеславу и Юрию, а уграм от короля — своих людей' [Там же: 387].

Из союзов без частицы *бы* чаще всего в инфинитивной конструкции встречается союз *како*. В Новгородской I летописи находим пример, видимо, отчасти копирующий приведенный в (1) евангельский стих:

- (6) і оумыслиши свѣтъ золь. како оударити на городъ. на оному сторону. а друзѣи озеромъ на сю сторону 'и приняли коварное решение, чтобы ударить на город с той стороны, а другие — по озеру с этой стороны' 137 об.

Союзный инфинитив может зависеть не только от глаголов, но и от существительных со значением намерения. Вот пример из «Сказания о Борисе и Глебе» по Успенскому сборнику XII–XIII вв.³:

- (7) вѧше сънъ его въ мѧнозѣ мѹсли и въ печѧли крѣпѣцѣ и тяжѣцѣ и страшнѣ. како предѧтисѧ на страсть. како пострадѧти и теченіе съконѣчѧти и вѣроу събѧсти. іако да и щадимѹи вѣнѣцъ примѣтъ ѿ роуки вьседържителевы 'сон его прошел в больших думах и печали крепкой, тяжелой и страшной [о том], чтобы предаться на страдание, чтобы принять мучение и закончить путь и сохранить веру, чтобы и уготованный венец принять от руки вседержителя' 11а30–66.

Из контекста ясно, что *како* здесь является союзом, а не вопросительным наречием образа действия, поскольку Борис думал о том, чтобы принять мученическую смерть, не оказывая сопротивления, а не о том, каким образом это осуществить: он него не зависело, как именно его будут убивать.

Нужно признать, что в ряде контекстов *како* может интерпретироваться двояко: как вопросительное или неопределенное наречие или же как союз. В трех контекстах из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны»⁴ греческий оригинал как будто дает основания интерпретировать *како* как союз; в примерах (8)–(9) в оригинале нет вопросительного местоимения:

- (8) малихъ же на добро дѣющаго зло мыслаше. и смотраше како оубити и 'Малих же на делающего добро замышлял злое и искал возможности, чтобы его убить', *πλεῦδων ἀνελεῖν* 355в14;
- (9) дѡмаста на ма, како ма оуморити 'замышляли против меня, чтобы меня убить', *τῆν... ἐπιβουλὴν θανάτου* 373б13;
- (10) и смотраше како мьстити юдѣискоюу леств 'и думал, как бы отомстить за хитрость иудеев', *ἐσκόλει ὁπὼς ἀμυνεῖτο* 438в24 — здесь *како* соответствует греческому союзу *ὁπὼς* 'чтобы'.

³ Цитируется по изданию [УСб 1971].

⁴ Цитируется по изданию [ИИВ I].

Имея в виду контексты (6)–(7), в которых како при инфинитиве несомненно или с большой вероятностью выступает в роли изъяснительного союза, можно предположить, что и в других аналогичных случаях мы имеем дело с союзом, а не вопросительным наречием:

- (11) и мѣшлашѣа · како ѿмоу изити изъ града въ дальнѣа странѣ · и ѿтолѣ искати цр҃сѣтва ‘и замыслили, чтобы ему уйти из города в дальние страны и оттуда добиваться царства’ Новгородская I летопись (Повесть о Царьграде), 65;
- (12) Данилови... ѿ мостѣ печалѣ имѣющеу · како Днѣстрѣ перенити · гнавѣ же Данилѣ ко мостоу · и оузрѣвѣ · ꙗко конѣтъ мостоу · оугаслѣ естъ и вѣсѣ радость велика ‘Даниил был озабочен мостом, [имея намерение] перейти Днестр. Когда же он пригнал к мосту и увидел, что конец моста погас, была великая радость’ Галицкая летопись XIII в. [ПСРЛ II: 759];
- (13) Данилѣ же снемѣ · с Болеславомѣ · мѣшлашѣ како проити землю Опавскую ‘Даниил же вместе с Болеславом совещался [о том], чтобы пройти через Опавскую землю’ [Там же: 821].

Видимо, в следующем контексте представлен сложный союз како бы, частица в котором выражает оппозитивную модальность⁵:

- (14) Рюрикѣ же почѣ доумати с мѡжи своими како бѣ емоу дати во(лѣ)сть · Всеволодоу которѣ же волости оу не(ѣ) просилѣ ‘Рюрик начал совещаться со своими людьми [о том], чтобы дать Всеволоду волость, которую [тот] у него просил’ Киевская летопись [ПСРЛ II: 683].

С большей уверенностью союз како бы опознается при глаголе лѣстити ‘замышлять хитрость, обман’ в Повести временных лет, поскольку вопросительное наречие здесь едва ли возможно:

- (15) гл҃ше · ꙗко с тобою хочю любовѣ имѣти и кѣ ѡтню придамѣ ти · а лѣста под нимѣ како бы и погубити ‘[Святополк] говорил, что «хочу жить с тобой в любви и добавлю тебе к оставленному отцом», при этом замышляя обман по отношению к нему [Борису], чтобы его погубить’ [ПСРЛ I: 132; ПСРЛ II: 118].

Приведенные примеры с союзом како (бы) почерпнуты из древнерусских церковнославянских текстов и летописей, отличающихся сравнительно высокой степенью книжности (Повесть временных лет, Галицкая летопись, авторская речь Киевской летописи). В летописях, не так сильно затронутых книжным влиянием, — Новгородской I и Волынской, — в инфинитивной конструкции при глаголах намерения употребляется союз абы:

- (16) печалѡуѡса абы конѣцати и видѣти цр҃ковѣ сзвѣршеноу и оукрашеноу ‘заботясь [о том], чтобы закончить и видеть церковь завершенной и украшенной’ Новгородская I летопись 57;
- (17) мѣшлашѣтъ бо абы како оубити Миндовга · но не можашѣ · зане вѣсѣ [так!] сила его мала · а сего велика ‘ибо [Довмонт] думал [о том], чтобы как-нибудь убить Миндовга, но не мог, потому что сила у него была мала, а у того — большая’ Волынская летопись конца XIII в. [ПСРЛ II: 860];
- (18) начѣ собѣ доумати · абы кдѣ · за Берестѣемъ поставити городѣ ‘начал думать [о том], чтобы где-нибудь за Берестьем поставить город’ [Там же: 875];

⁵ В древности бѣ являлось формой 3 л. ед. ч. условного наклонения глагола быти, первоначально имевшей вид би и уже в старославянскую эпоху смешивавшейся с формой 3 л. ед. ч. аориста бѣ [Вайан 1952: 281–282]. Этим объясняется ее способность сочетаться с инфинитивом, присущая и союзам, в состав которых она входит.

- (19) в се же время възг҃халъ башеть князь Болеславъ. възнѣ и-сохачева. дова того абы кдѣ оударити на розгнѣ 'В это время выехал князь Болеслав прочь из Сохачева, высматривая того, чтобы где-нибудь атаковать на разъезде' [Там же: 887].

Среди контекстов с предикатами намерения это единственный пример, где валентность главного предиката заполняется не только зависимой инфинитивной конструкцией, но и катафорическим местоимением того в главной предикации (см. подробнее в разделе 4).

- (20) да поведи нѣи коудѣ а се мѣи готовѣи. на то есмы пришли. князь же наѣа домоути [вместо доумати]. абы коудѣ ѣ повести '«Так поведи нас куда угодно, а мы готовы, для этого мы пришли». Князь же начал думать [о том], чтобы куда-нибудь их повести' [Там же: 889].

Тот же союз вводит инфинитивную предикацию в «Поучении» новгородского архиепископа Ильи (ок. 1165 г.), см. (21). Здесь, правда, не вполне понятно, зависит ли союзный инфинитив от существительного мысль или от глагола замыслити, но первое более вероятно, поскольку место дополнения при замыслити занимает местоимение что⁶.

- (21) не имѣю тои мысли. оже бы что на васъ замыслиши. абы оу кого что взати 'нет у меня такой мысли, если бы что-то замыслил против вас, чтобы у кого-нибудь что-нибудь отнять' [Срз., I: 930].

В церковнославянском древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого»⁷, отражающем немало восточнославянских черт, при предикатах намерения инфинитивная конструкция вводится книжным союзом да бы:

- (22) видаше же сѣи оунылаго дѣмона ходаща ту же и ловаща. да бы ему нѣкого лѣстью извести изъ цркви и лишити его мѣзды бѣа 'видел же святой демона уныния, ходившего здесь и подкарауливавшего, чтобы ему кого-нибудь хитростью увести из церкви и лишить воздаяния Божьего', *ἐνεδρεῖοντα καὶ περὶόμενον μηχαναῖς τισὶ ἐξεῶσαι τινὰς* 2338–2340; союз не имеет соответствия в греческом оригинале, где глагол управляет простым инфинитивом.

В двух других контекстах союз также не имеет эквивалента, в оригинале ему соответствует артикль в родительном падеже:

- (23) взиде же на сердце ѿна помыслъ такъ. да бы обрѣсти нѣкого члѣка дхвна. да бы ѿи помоглъ на добро 'пришла ей в голову мысль найти какого-нибудь духовного человека, чтобы он помог ей на доброе дело', *ἀναβαίνει οὖν σκοπὸς ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτῆς τοῦ εὐρεῖν* 3385–3386;
- (24) и взиде на оумъ ѿна. да бы повѣдати ѿпифанови бывшее 'и пришло ей в голову рассказать Епифану случившееся', *ἀνέρχεται ἐν τῷ λογισμῷ αὐτῆς τοῦ θαρρῆσαι τῷ Ἐπιφανίῳ* τὸ γεγονός 3510–3511.

Приведенный материал позволяет констатировать, что употребление союзного инфинитива при предикатах, обозначающих ментальное намерение, мыслительную деятельность, направленную на достижение определенной цели, является специфической особенностью восточнославянского синтаксиса. О принадлежности конструкции восточнославянскому узусу свидетельствует ее распространенность в летописях и использование в ней преимущественно союзов, характерных не для южнославянских, а для древнерусских текстов (како, абы). Нужно признать, однако, что употребление этой конструкции не было обязательным. От предикатов, обозначающих намерение, часто зависит простой инфинитив:

⁶ Благодарю анонимного рецензента за указание на это.

⁷ Цитируется с указанием строк по [Молдован 2000].

и мѣслашеть противитиса Юргю брату своему ‘и думал враждовать с Юрием, своим братом’ Суздальская летопись [ПСРЛ I: 452] и т. п., ср. примеры в статье оумыслити в [Срз., III: 1217]. Вероятно, модель с простым инфинитивом поддерживалась влиянием церковнославянского языка, копировавшего греческие образцы.

2. Союзная инфинитивная конструкция при комиссивах

Самую многочисленную группу глаголов, при которых в древнерусском фиксируется союзная инфинитивная конструкция, составляют комиссивы, т. е. глаголы, которые обозначают заявление о том, что субъект берет на себя те или иные обязательства: *клатиса* ‘клясться (сделать что-л. в будущем)’, *крѣсть цѣловати* ‘целовать крест (в подтверждение взятого на себя обязательства)’, *(сѣ)думати* ‘принять (совместное) решение сделать что-л.’, *(сѣ)гадати* ‘то же’, *сѣвъщатиса* ‘то же’, *сѣвътъ сътворити* ‘то же’, *докончати* ‘заключить договор’, *урадитиса* ‘договориться’, *уладитиса* ‘то же’, *извѣститиса* ‘удостоверить, подтвердить взаимные обязательства’, *сѣречи* ‘уговориться, условиться’, *дати поруку* ‘поручиться’:

- (25) *король же ако срѣкъ годъ како поити* и посла къ Изаславу и р(ѣ)е ему аз ти на конѣ оуже вѣддоу же ‘король же, уговорившись о времени выступать [в поход], послал к Изяславу и сказал ему: «Я-то уже сажусь на коней»’ Киевская летопись [ПСРЛ II: 446];
- (26) *како еси вѣлъ оумовилъ*, с братомъ своимъ Рюрикомъ, и со мною, *аже совокоупитиса*, оу Чернигова всимъ... ‘как ты условился с братом своим Рюриком и со мной, чтобы всем собраться у Чернигова...’ Киевская летопись [Там же: 699];
- (27) *и докончаша* съ кнѣзмъ Михаиломъ, *како не вѣстоупатиса* ни по Одиномъ ‘и договорились с князем Михаилом не вступаться ни за кого’ Новгородская I летопись, 161;
- (28) *и докончаша* с Михаиломъ кнѣзмъ миръ, *како ити въ Орду* обѣма ‘и заключили с князем Михаилом мирный договор [о том], чтобы обоим идти в Орду’ Новгородская I летопись, 161 об.;
- (29) *докончаша* с горожаны, *како города имъ не имати*, а своѣ бояры *выимати* ‘и договорились с жителями города, что город брать не будут, а своих бояр заберут’ Волынская летопись [ПСРЛ II: 878];
- (30) *и вѣщаша* къ Александру, *ѣако вѣтитиса* самѣма ‘и обещал Александру, что они будут биться на поединке’ *ѣлѣсхето...* *мовомахѣси* — древнерусский перевод «Александрии» [Истрин 1893: 83];
- (31) *цто олекса · колбинъцъ далъ порукоу · в коунахъ дати бы дати коуны на пѣтровъ днь...* ‘Что [касается того, что] Олекса Колбинец поручился относительно денег, [а именно в том], чтобы дать деньги в Петров день...’ новгородская берестяная грамота № 389, 1320–1350 гг. [ДНД₂: 539].

Наряду с союзным инфинитивом в грамоте № 389, в новгородских берестяных грамотах при глаголе *докончати* дважды засвидетельствован простой инфинитив (№ 136, 1360–1380 гг. и № 142, 1300–1320 гг.).

Существительные, образованные от комиссивов, сохраняют управление союзным инфинитивом:

- (32) *а кр(ѣ)тного цѣлованья забвѣвъ, цто бѣ* нама бѣмъ и правдоу своєю *полагати* бесерменина ‘забыв о крестном целовании [по поводу того], чтобы нам, полагаясь на Бога и свою правду, ополчиться на басурман’ Суздальская летопись [ПСРЛ I: 482].

Союзная инфинитивная конструкция при комиссивах подробно описана на материале летописей Е. А. Власовой [2014: 189–193, 196–201]. В древнерусский период союзная инфинитивная конструкция при комиссивах решительно преобладает над бессоюзной. Е. А. Власова насчитала 96 случаев союзной инфинитивной конструкции в древнерусских летописях, из них 66 приходятся на Киевскую летопись [Там же: 190]. В старорусский период конструкция сохраняется и даже расширяет сферу своего использования, но основным союзом становится *что*, ср. в Новгородской I летописи по Комиссионному списку (под 1420 г.):

- (33) *доконцаша со князем Костянтиномъ и со вѣсьмъ великимъ Новымъградомъ, что быти на създи мѣстерю, а князю Костянтину и новгородомъ послати своихъ боярь 252*, то же в Академическом и Толстовском списках [Насонов 1950: 413]⁸.

Е. А. Власова рассматривала союзную инфинитивную конструкцию при комиссивах с точки зрения передачи чужой речи. Однако эта конструкция в отношении синтаксической структуры почти не отличается от конструкции при глаголах намерения. Можно предположить, что употребление союзной инфинитивной конструкции при комиссивах обусловлено не столько тем, что они передают косвенную речь, сколько тем, что они выражают намерение: комиссивы эксплицируют его вербально в перформативном речевом акте, который в определенных случаях сопровождается письменной фиксацией. Неслучайно некоторые предикаты — *(сѣ)думати*, *(сѣ)гадати*, *сѣвъѣцати*, *сѣвъѣть сѣтворити* — употребляются и как ментальные глаголы, и как комиссивы, и часто провести четкую границу между этими двумя употреблениями невозможно. Благодаря тому, что комиссивы входят в формулы и достаточно частотны в летописях и юридических документах, союзная конструкция при комиссивах в средневековых источниках представлена лучше, чем при предикатах ментального намерения.

Тем не менее между двумя конструкциями существует различие: при предикатах ментального намерения союзы по большей части содержат модальную частицу *бы*, а при комиссивах союзы с *бы* встречаются редко. Причина состоит в том, что контроль субъекта над ситуацией, обозначенной инфинитивом, при комиссивах сильнее, чем при предикатах ментального намерения: поскольку субъект комиссива гарантирует осуществление ситуации, обозначенной инфинитивной предикацией, модальность желательности или возможности отступает на второй план. Корреляция между неконтролируемостью и использованием союза с частицей *бы* наблюдается и в современном русском языке: она играет главную роль при выборе инфинитива или сослагательного наклонения с союзом *чтобы* при манипулятивных и волитивных глаголах [Пекелис 2014: 31].

Таким образом, союзная инфинитивная конструкция более или менее регулярно использовалась в древнерусском при глаголах со значением ментального намерения, а также при комиссивах, которые обозначают экспликацию намерения в ходе речевого акта. Существенно, что эта конструкция употреблялась при предикатах, обозначающих ментальную интенцию; при конативных глаголах (*тѣснутися*, *тѣцятися* ‘стараться, прикладывать усилия’, *искати* в том же значении⁹) союзный инфинитив не засвидетельствован. Это закономерно: именно намерение имеет тенденцию выражаться грамматическими

⁸ Субъект инфинитива, зависимого от глагола *докончыати*, может формально не совпадать с субъектом главного предиката, как в этом примере, но являться лицом, на которое распространяется действие договора, поскольку оно подвластно тому, кто его заключает, — тем самым оно имплицитно входит в число тех, кто берет на себя соответствующее обязательство.

⁹ В то же время при *искати* в значении ‘подыскивать, подбирать’, в контексте, подразумевающим мыслительную активность субъекта, один раз встретилась союзная инфинитивная конструкция: Довмонтъ же *искашеть* собѣ. *дѣи* с кимъ. *моу* оубити емоу Миндовга ‘И Довмонт подыскивал себе [кого-то, вместе] с кем он мог бы убить Миндовга’ Волынская летопись конца XIII в. [ПСРЛ II: 860].

средствами — как, например, в тюркских языках, в которых при помощи специальных аффиксов или вспомогательных глаголов образуются формы наклонения намерения [Тагирова 2003].

3. Союзная инфинитивная конструкция при вершинах, не способных управлять простым инфинитивом

Инфинитивная конструкция, которая зависит от вершины, не способной управлять простым инфинитивом, всегда присоединяется при помощи союза. Субъект матричного предиката может при этом совпадать или не совпадать с субъектом инфинитива, а вершины принадлежат к разным классам предикатов. Случаи употребления инфинитивной конструкции при таких вершинах, аграмматичные в современном русском языке, и в древнерусской письменности единичны:

- (34) *Не достоитъ челоуѣку крестяну себе связати, оже не ясти ни пити* ‘Не подобает христианину связать себя [в отношении того, чтобы] не есть и не пить’ — из послания Феодосия в ответ на «Вопрошение» князя Изяслава [Срз., II: 628];
- (35) и р(ѣ)є Сѣславъ Ольговичъ. строема своимъ. далече есмь гонимъ по половцехъ. а кони мои немощууть. аже ми бѹдетъ нынѣ потѣхати. то толико ми бѹдетъ по дорозѣ встати. и поможе ємоу Всеволодъ. акоже вблєчи тоу... и вблєгоша тоу ‘И сказал Святослав Ольгович своим дядьям: «Я далеко гнался за половцами, и кони мои без сил. Если мне сейчас ехать, то мне только и будет, что отстать по дороге». И Всеволод поддержал его [в том], чтобы стать на ночлег здесь... и они стали здесь на ночлег’ Киевская летопись [ПСРЛ II: 640]. Глагол *помочи* имеет здесь значение ‘выступить на стороне кого-л., поддержать’ и потому не управляет простым инфинитивом;
- (36) *ѡви въ клеветаніе вѣпадаху. ѡви же ѡже осудити ближняго* ‘одни впадали в клевету, а другие — [в то, чтобы] осудить ближнего’, *εις τὸ κρίνειν* — в сокращенной и слегка русифицированной версии южнославянского перевода «Жития Нифонта» в составе Выголексинского сборника к. XII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 12: 297].

Вершиной, от которой зависит инфинитив в (36), является предлог, причем эллиптированный. Пример, впрочем, непоказательный, потому что русский союз *ѡже* мог появиться здесь на месте исконного *ѡже*, которое в южнославянском переводе калькировало греческий артикль.

4. Соотносительные местоимения в предикации, управляющей союзной инфинитивной конструкцией

В древнейших памятниках союзный инфинитив присоединялся непосредственно к предикату — независимо от того, обладал ли этот предикат способностью управлять инфинитивом или нет. Только в самой поздней древнерусской летописи, Волынской, составленной в последние годы XIII в. и лучше всего отражающей особенности разговорного языка, фиксируются случаи употребления катафорического указательного местоимения (*тѣ*, реже *сь*) в главной предикации, соотносительного с инфинитивной конструкцией. Во всех случаях употребления соотносительного местоимения союз, вводящий инфинитив, содержит частицу *бы*. Один из них уже цитировался выше (см. (19)), другой контекст содержит волитивный глагол:

- (37) ѿ сего ци хотѣлъ. вже бы мнѣ исхати твою землѣ по твоюмъ животѣ. сего ни на срѣдѣ моему
не было 'Разве я того хотел, чтобы мне добиваться твоей земли после твоей смерти?
'Этого и в уме моем не было!' [ПСРЛ II: 902].

Главная предикация в (37) представляет собой вопрос, выражающий отрицание; ситуация, обозначенная инфинитивной предикацией, подается говорящим как несоответствующая действительности. Можно было бы думать, что выбор конструкции с союзом, содержащим модальную частицу, обусловлен желанием говорящего подчеркнуть ирреальность ситуации. Однако употребление союзной конструкции может быть связано с введением местоимения *сего* в главное предложение: если матричная предикация содержит соотносительное местоимение, инфинитив во всех имеющихся примерах присоединяется исключительно посредством союза с модальной частицей; иными словами, соотносительное местоимение образует единую конструкцию с инфинитивом, присоединенным союзом с частицей *бы*. В таком случае выбор говорящего, возможно, объясняется не столько (или не только) стремлением подчеркнуть несоответствие высказывания действительности, сколько предпочтением синтаксической конструкции с соотносительным местоимением и, соответственно, союзом с частицей *бы* в зависимой предикации. Других случаев употребления союзной конструкции при *хотѣти* не обнаружено. Видимо, модальные глаголы в древнерусском в отсутствие опорного местоимения управляли только простым инфинитивом¹⁰.

Конструкция с соотносительным местоимением в Волынской летописи отмечена также после пермиссивного *дати* с отрицанием:

- (38) не дай ми бѣ того оучинити вже бы мнѣ пролити кровь неповинную 'не дай мне Бог учинить такое, чтобы мне пролить неповинную кровь' [ПСРЛ II: 929];
- (39) не дай ми бѣ того вже бы мнѣ ѿдати что по твоюмъ животѣ. оу твою кнѣгинѣ и оу сего дѣтици.
но дай ми бѣ имѣти свою ѿтраву. аки достойную мѣръ совѣ и чтити 'не дай мне Бог того, чтобы мне отнять что-нибудь после твоей смерти у твоей княгини и у этого ребенка, но дай мне Бог иметь свою невестку достойной матерью себе и чтить' [ПСРЛ II: 904].

В (39) при глаголе с отрицанием использован союзный инфинитив, как и в (38), а при глаголе без отрицания (*дай ми бѣ имѣти*) — бессоюзный. Возможно, употребление конструкции с союзом, включающим модальную частицу, вызвано желанием говорящего представить ситуацию как ирреальную. В современном русском языке близкий по значению пермиссив *позволять* под отрицанием чаще управляет придаточным предложением с союзом *чтобы* (а не инфинитивом), чем без отрицания; О. Е. Пекелис [2014: 17–25], отмечая этот факт, объясняет его тем, что отрицание при матричном глаголе означает большую степень независимости субъекта подчиненной предикации. Впрочем, при

¹⁰ Надежных примеров употребления союзной конструкции при глаголе *моути* и его производных не отмечено. С наибольшей вероятностью союз можно было бы усмотреть в примере из Повести временных лет: не взъмолъ како бы погубити и замысли лестию 'не сумев его погубить, замыслил хитростью [сделать это]' [ПСРЛ I: 77; ПСРЛ II: 65], однако не исключено, что *бы* здесь еще не частица, но форма 3 л. ед. ч. со значением 'можно было бы', а *како* — наречие образа действия. Еще меньше оснований трактовать *како* как союз в другом контексте из Повести временных лет: *ркоша ѿтроку аще можеша како ити* иди 'сказали юноше: «Если можешь каким-то образом идти, иди»' (менее вероятно: «Если можешь идти») [ПСРЛ II: 54] или из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны»: и не можахуъ како промыслити 'и не могли никаким образом найти выход', ἀμυχανία (менее вероятно: 'не могли найти выход') 455г:12. В то же время придаточное предложение с финитным глаголом в сослагательном наклонении, зависящее от *моути* под отрицанием, засвидетельствовано в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого»: *видаше во ю любящую бѣ всюю дѣшею. да не могы. како ю бы поверглаъ мужа неа дѣла. приведе ю на то 'ибо видел [дьявол], что она любит Бога всей душой, и, не будучи способным каким-либо образом повергнуть ее, благодаря ее мужу привел ее к этому', πῶς αὐτὴν καταβαλεῖν μὴ δυνάμενος* 3614–3616.

не дай бѣ в древнерусском употреблялся и простой инфинитив: *готова есѣѣ въ хр(с)тьномъ цѣлованьи. и того на не дай бѣ стѣупити* ‘мы готовы исполнить крестное целование, и не дай Бог нам с него сойти’ Киевская летопись [ПСРЛ II: 374]. Причиной употребления союзного инфинитива в (39), как и в (38), может быть выбор конструкции с соотносительным местоимением.

Если в (19) инфинитив присоединяется союзом *aby*, то в примерах (37)–(39) выступает союз *оже* *by*. Это связано с тем, что целевой союз *aby* хорошо сочетался с глаголами намерения, в то время как в контекстах (37)–(39) матричный предикат выражает желательность / нежелательность ситуации и поэтому требует изъяснительного союза *оже* в соединении с опативной частицей *by*.

Появление соотносительного местоимения в главной предикации способствовало расширению круга предикатов, присоединяющих союзный инфинитив, который формально переставал подчиняться непосредственно предикату и становился подчиненным местоимению. Благодаря этому открылась возможность для употребления инфинитивной конструкции при разных вершинах, в том числе не способных управлять простым инфинитивом. В современном русском языке наблюдается такая же ситуация: наличие соотносительного местоимения в главном предложении позволяет присоединять финитные и инфинитивные сентенциальные актанты с союзом *чтобы* даже тем предикатам, которые не способны их присоединять, если местоимение отсутствует [Князев 2009: 66]. Это связано с тем, что местоимение, в отличие от инфинитива, способно выразить модель управления любого предиката [Там же: 64].

Исходя из данных Волынской летописи, можно было бы предположить, что модель с относительным местоимением появилась на базе союзного инфинитива при глаголах намерения, т. е. по аналогии с контекстами типа (19), и в первую очередь распространилась на предикаты с семантикой желательности / нежелательности, подобные представленным в (37)–(39). Однако делать такое заключение на основе трех примеров, встретившихся в одном-единственном памятнике, преждевременно.

Заключение

Приведенные факты позволяют констатировать, что в древнерусском языке союзная инфинитивная конструкция более или менее регулярно употреблялась в роли сентенциального актанта при предикатах ментального намерения и комиссивах, при которых мог употребляться и простой инфинитив. Способность управлять одинаковой конструкцией была обусловлена тем, что указанные два класса предикатов семантически близки. Субъект матричного предиката, выраженного глаголом намерения или комиссивом, совпадал с субъектом инфинитива, присоединенного с помощью союза. Семантическое различие между указанными классами предикатов сказывалось на выборе союза, присоединяющего инфинитив: предикаты намерения лучше сочетались с союзами цели (*како* *by*, *aby*, *да* *by*), в то время как при комиссивах предпочтительными были изъяснительные союзы (*како*¹¹, *аж*).

Кроме того, начиная с раннедревнерусского периода союзная инфинитивная конструкция спорадически появлялась при предикатах разнообразной семантики, неспособных управлять простым инфинитивом, причем субъект матричного предиката мог совпадать или не совпадать с субъектом инфинитива.

¹¹ Как указал мне анонимный рецензент, в европейских языках наречия образа действия часто используются в функции изъяснительных союзов, особенно в разговорной речи; в частности, английское *how* может вводить дополнительное придаточное при глаголах речи и других предикатах, в том числе при глаголе *promise* ‘обещать’ [Legate 2010: 129].

С конца XIII в. в главной предикации, управляющей союзным инфинитивом, фиксируются соотносительные местоимения. Судя по концентрации контекстов с соотносительным местоимением в Волынской летописи, причем в прямой речи персонажей, экспансия конструкции «опорное местоимение + союз с *бы* + инфинитив» началась в разговорном языке. Конструкция с опорным местоимением открывала возможность присоединять союзный инфинитив для предикатов, принадлежащих разным лексико-семантическим классам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ДНД₂ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- ИИВ I — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Истрин 1893 — Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследования и текст. М.: Университетская типография, 1893.
- Молдован 1984 — Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984.
- Молдован 2000 — Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
- Насонов 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. С. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
- ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Срз. I–III — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893–1912.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
- ССЯ I–IV — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I–IV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. (= *Slovník jazyka staroslověnského* / *Lexicon linguae paleoslovenicae*. Т. I–IV. Praha: Československá Akademie Věd, 1958–1997.)
- УСб 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вайан 1952 — Вайан А. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual on Old Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Власова 2014 — Власова Е. А. Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи в русских летописях XI–XVI вв. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 27(1): 185–205. [Vlasova E. A. Infinitive and subjunctive in indirect speech in Russian chronicles of 11th–16th centuries. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 27(1): 185–205.]
- Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*: В 2 т. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. [Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*: V 2 t. T. I. [History of language of the Russian literary texts: In 2 vol. Vol. I. Moscow: Dmitry Pozharsky Univ., 2017.]
- Князев 2009 — Князев М. Ю. Предикатные актанты с местоимением «то» в русском языке: грамматический статус и особенности употребления. Дипломная работа. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. [Knyazev M. Yu. *Predikatnye aktanty s mestoimeniem «to» v russkom yazyke: grammaticheskii status i osobennosti upotrebleniya* [Complement clauses with the pronoun *to* in Russian: Grammatical status and usage patterns]. Graduate thesis. St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ., 2009.]
- Пекелис 2014 — Пекелис О. Е. Инфинитив vs. придаточное с союзом *чтобы*: к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2014, 4:

13–45. [Pekelis O. E. Infinitive vs. *čtoby*-clause: Choosing the strategy of sentential argument marking in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 4: 13–45.]

Тагирова 2003 — Тагирова Р. Г. Наклонение намерения глагола в современном башкирском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т, 2003. [Tagirova R. G. Naklonenie namereniya glagola v sovremennom bashkirskom yazyke [Purposive mood in Modern Bashkir]. Ph.D. diss. abstract. Ufa: Bashkir State Pedagogical Univ., 2003.]

Legate 2010 — Legate J. A. On how *how* is used instead of *that*. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2010, 28: 121–134. URL: <https://www.ling.upenn.edu/~jlegate/nllt28.pdf>.

Получено / received 31.05.2018

Принято / accepted 11.12.2018